

УДК 130.2

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-6-13>

Этос креативности и интеллектуальный класс

И. М. Ревич¹

¹ Независимый исследователь, Израиль, г. Ашкелон

Для цитирования:

Ревич, И. М.
(2021) Этос креативности и интеллектуальный класс. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 3, № 1, с. 6–13.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-6-13>

Получена 24 июня 2020;
прошла рецензирование 2 декабря 2020; принята 2 декабря 2020.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье предлагается культурно-антропологический анализ бытия и функционирования такого социального феномена и способа существования человека, как *этос креативности*, который следует рассматривать в социально-онтологическом и экзистенциально-персоналистическом планах. Данное понятие указывает на исторически определенную собранность (ансамбль) интеллектуальных практик во всех разновидностях творчества: в логике (науке), в эстетике (искусстве) и во всех многообразных видах эстетического формотворчества), в этике (в ситуации интеллектуально-эмоциональной активности в коллизиях морального выбора), в теологии и личных поисках религиозной трансценденции. При этом важно подчеркнуть, что причастность к этосу креативности присуща и первокласснику, и академику. Личность обретается в нем, чтобы выйти из него, чтобы самой стать изобретением, превращая природный хаос в социальный космос. Этос креативности обуславливает персоналистическое *влечение к культуре*, по аналогии с природно-антропологической витальностью — индивидуальным и родовым *влечением к жизни*. Понятие *интеллектуальный класс* включает в себя идею культурного многообразия, культурной динамики, взаимодействия культур. Здесь на передний план выходят не утопии какого-то особого пути, какого-то особого класса, особой нации или расы, а идея взаимодействия, диалога, взаимопроникновения культур. Интеллектуальный класс является открытой системой вследствие того, что его доминантой является разум. А вера, мораль и эстетизм должны быть разумными. Этос креативности, формирующий интеллектуальный класс, — это высоко конкурентная среда, в которой соревновательность осуществляется на основе *золотых правил*. Для разума *золотое правило* — это логико-эпистемологическая норма научного поиска и релевантная оформленность его результатов. Для веры — это теологическая честность (культурно-антропологическое понимание религиозных практик, следование требованию не унижать и не разрушать чужие святыни). *Золотое правило* эстетизма — это онтолого-антропологическое требование утверждения и удержания тенденций жизнотворчества в различных формах эстетической креативности. В контексте целостного исторического процесса этос креативности и интеллектуальный класс — это и есть другое название «Духа» Гегеля и «культурного идеализма» неокантианства. Иными словами, культура предопределена и неизбежна как раскрытие конкретного имманентного начала: этоса креативности. Именно *экзистенциальный детерминизм*, а не законы природы и экономики и так называемой политической борьбы, обеспечивает социальное развитие.

Ключевые слова: этос креативности, интеллектуальный класс, социально-онтологические стратегии, экзистенциально-креативные стратегии, влечение к культуре, европейский мир.

The ethos of creativity and the intellectual class

I. M. Revich¹

¹ Independent researcher, Ashkelon, Israel

For citation:

Revich, I. M. (2021) The ethos of creativity and the intellectual class. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 6–13. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-6-13>

Received 24 June 2020;
reviewed 2 December 2020;
accepted 2 December 2020.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The article offers a cultural and anthropological analysis of the existence and functioning of the ethos of creativity as a social phenomenon and a way of human existence. The author maintains that the ethos of creativity should be considered in the socio-ontological and existential-personalistic dimensions. The ethos of creativity is viewed as a concept which encompasses a historically defined collection (ensemble) of intellectual practices in all types of creativity: in logic, aesthetics, ethics, theology and personal search for religious transcendence. It is important to emphasize that participation in the ethos of creativity is inherent to all, from a first-grader to a renowned scientist. The personality is found in it to come out of it and to become an invention itself, turning the natural chaos into a social cosmos. The ethos of creativity determines the personalistic attraction to culture, by analogy with the natural-anthropological vitality — i. e., the individual and generic attraction to life. The concept of intellectual class includes the idea of cultural diversity, cultural dynamics, and interaction of cultures. The intellectual class is an open system because it is dominated by reason. And faith, morality and aesthesis must be reasonable. The ethos of creativity that forms the intellectual class is a highly competitive environment in which competition is based on Golden rules. For the mind, the Golden rule is the logical-epistemological norm of scientific search and the relevant formality of its results. For faith, it is theological honesty — i. e., a cultural and anthropological understanding of religious practices, and refrainment from diminishing or destroying others' sanctuaries. The Golden rule of esthesis is an ontological and anthropological requirement for affirmation and retention of life-creating tendencies in various forms of aesthetic creativity. In the context of a holistic historical process, the ethos of creativity and the intellectual class are another name for the “spirit” of Hegel and the “cultural idealism” of neo-Kantianism. In other words, culture is predetermined and inevitable as the revelation of a specific immanent principle: the ethos of creativity.

Keywords: ethos of creativity, intellectual class, social-ontological strategies, existential-creative strategies, attraction to culture, European world.

Сегодня становится очевидным, что обострившиеся проблемы социальной жизни в ее всемирном и конкретно региональном измерении требуют более широкого использования культурно-антропологической (философско-антропологической) рефлексии в отношении многих традиционных тем, устоявшихся концепций, нуждаются в переоценке устоявшихся представлений. Без такого рода рефлексии становятся тщетными гигантские усилия армии обществоведов дать ответы на «больные» вопросы современности, которые ставят абсолютно все социальные и гуманитарные науки. Более того, «больные» вопросы дают нередко и «больные» ответы, которые приводят к драматическим коллизиям в повседневности, в научных сообществах, в художественных и педагогических коллективах.

Без культурологического подхода невозможно ответить на вопросы, что такое революции,

гражданские войны, гражданское общество, коммунизм, нацизм, фашизм, что есть субъект и объект насилия и жертвенности в целостном историческом процессе и в партикулярных практиках. Именно поэтому, в свете вышеуказанного требования, следует обратить внимание на историческое бытие и актуальное функционирование такого социального феномена и способа существования человека, как *этнос креативности*. И только культурно-антропологический анализ позволяет увидеть консолидированного актора этноса креативности — *интеллектуальный класс*. И если не требует доказательств тот факт, что науку делают ученые, литературу творят писатели и так далее, то интересно знать, кто является творцом самой человеческой истории в ее формационной поступательности? Известно, как ответил на этот вопрос К. Маркс: движущей силой истории является материальное производство как то-

тальный субъект всей социальной динамики; экономика есть базис социальности, а его актором являются трудящиеся массы. Причем на высокой ступени формационного развития — капитализме — творцом истории становится рабочий класс — пролетариат. Однако, при всем уважении к трудящимся массам, следует заметить, что любые руки, а тем более — «золотые», без головы работать не могут. Оператор-программист токарного станка, несомненно, заслуживает уважения, но не менее важна актуализация социальной значимости изобретателя этого станка. *Изобретение* представляет собой обретение нового качества материи, нового состояния материального мира, становящегося социально-антропологическим артефактом.

На наш взгляд, субъектом всех видов и форм творчества, консолидированным субъектом исторического процесса является *интеллектуальный класс*, генезис и функционирование которого связаны с определенным состоянием социума, способом его существования: *этосом креативности*. Это такой феномен, который следует рассматривать в социально-онтологическом и экзистенциально-персоналистическом планах.

Понятие *этос креативности* указывает на исторически определенную собранность (ансамбль) интеллектуальных практик во всех разновидностях творчества: в логике (науке), в эстетике (искусстве и во всех многообразных видах эстетического формотворчества), в этике (в ситуации интеллектуально-эмоциональной активности в коллизиях морального выбора), в теологии и личных поисках религиозной трансценденции. И если справедливо утверждение, что родина — это не то место, где человек родился, а то место, где он сам родил, то именно *топос* этоса креативности является подлинной родиной человека. В этом топосе рождается личность (Ревич 2010). Она благодаря присутствию в средоточии этоса креативности становится носителем *экзистенциально-креативных стратегий*. Поэтому нам следует говорить о бытии личности и ее субъективности исходя из персоналистической вовлеченности в творческий процесс. При этом важно подчеркнуть, что причастность к этосу креативности присуща и первокласснику, и академику. Личность обретается в нем, чтобы выйти из него, чтобы самой стать изобретением, превращая природный хаос в социальный космос.

Этос креативности обуславливает персоналистическое *влечение к культуре*, по аналогии с природно-антропологической витальностью — индивидуальным и родовым *влечением к жизни*.

Он есть особое состояние человеческого мира, в котором единство влечения к жизни и влечения к культуре формирует многообразные практики *вовлечения* личности в разнообразные виды креативности (Ревич 2012).

Местом рождения этоса креативности является Европа. Исторической моделью интеллектуального класса является «Республика ученых» (лат. *Respublica literaria*) — наднациональное объединение интеллектуалов, существовавшее в эпоху Возрождения и Просвещения, ставшее основой научного сообщества в эпоху модерна. То, что латинское выражение *Respublica literaria* может быть переведено и как «Республика ученых», и как «Республика наук», выявляет и персоналистический, и деятельностно-организационный смысл данного термина. В этой связи важно отметить, что европейское человечество выявило продуктивную тенденцию функционирования данного этоса в аспекте универсализма, а не партикуляризма. Именно в этом смысле можно говорить о европоцентризме без негативных оценок неевропейского мира (Ревич 2010). Никого, думается, не обидит утверждение, что наука как центральный компонент этоса креативности — продукт Европы. В своей историчности европейское самосознание явилось *целеполаганием* — телеологией такого этоса: он является высшим цветом культуры и цивилизации, но этот цвет полагает, *целеполагает* будущие плоды. Предпринимая работу по инвентаризации идей, концептов, присущих понятию *этос креативности*, мы связываем его с понятием *европейский мир*, который, по выражению Э. Гуссерля, был рожден из идеи разума, то есть из духа философии и науки (Гуссерль 2004; 2005). Но он был рожден и иудео-христианской верой. Именно в монотеизме иудейского и христианского мироотношения был выработан контекст, позволяющий мыслить некое универсальное человеческое сообщество, которое охватывает мыслящих и справедливых людей всех народов и всех религиозных конфессий. Иудаизм и христианство обусловили возникновение гуманистических интуиций *экуменизма* и *космополиса*, выразившихся в новоевропейской и современной социально-философской мысли, определившей ценности гражданского общества, демократии и свободы — *либерально-демократический дух* европейского самосознания (Ревич 2008). Глядя на историю интеллектуального класса с высоты нашего времени, мы видим, что важнейшим условием для его существования является гражданское общество, которое берет начало с городов-коммун позднего Средневековья.

Интеллектуальный класс возникает в недрах гражданского общества, «первым шагом к которому стали <...> сословно-представительные собрания. В этих условиях начали возрождаться, прежде всего в городах, такие античные свойства личности, как рационализм, практичность, расчетливость... Отсюда — развивавшееся гуманистами представление о человеке как центре мира» (Бибихин 1998, 15–16).

В этом смысле европейский мир — это место рождения и формирования этоса креативности и его интегрального субъекта. Он есть детище Иерусалима (иудейского и христианского), Афин и Рима. Следует подчеркнуть, что, говоря о *европейском мире*, мы понимаем его как открытую систему, которая в себя вбирает творческие импульсы всех регионов планеты, становясь глобальным феноменом. В этом смысле глобализм существовал всегда. Большим подспорьем для утверждения этого тезиса является труд Рэндалла Коллинза о мировых интеллектуальных «сетях», охватывающих всю ойкумену (Коллинз 2002). Об этом исследовании Н. Розов в своей вступительной статье к первому отечественному изданию пишет: «В первую очередь это громадный компендиум по главным мировым философским традициям на протяжении 25 столетий. Детально проанализированы древнегреческая и эллинистическая, древняя и средневековая китайская, древняя и средневековая индийская, средневековая японская, еврейская и арабская философские традиции, европейская традиция периодов Средневековья, Нового времени, XIX века. XX век представлен анализом неопозитивизма и Венского кружка, немецкой и французской экзистенциальной философии, англо-американской ветви. Кроме этого, развитие философского мышления представлено в контексте смежных интеллектуальных традиций богословия, естествознания, математики и логики, с особым вниманием на структурные факторы внешнего социального контекста» (Коллинз 2002, 7).

В средоточии этоса креативности возникают не только продукты творчества, но и сам творец. Важно подчеркнуть, что креативные стратегии личности выражаются в деятельном усилии в отношении к самой себе. Даже если деятельность конкретного ученого не дала положительного результата, само его существование как личности, носителя знания, как благородного искателя истины, существующего в сети творческих взаимодействий, является непререкаемой общественной ценностью. Этому не понимает примитивный человек и недалекая власть, которые находятся в плену узко понятой пользы

и не понимают важность фундаментальных наук, осуждают экспериментирование в искусстве.

Творческая личность и сам этос креативности — феномены космополические. Данная констатация необходима для преодоления ущербного понимания творческой личности в рамках классовой или националистической парадигмы. Очевидно, что на представителя интеллектуального класса нередко пытаются навесить соответствующую бирку. Бывает, что поисками своей национальной, классовой, корпоративной идентичности занимается конкретный индивид — представитель интеллектуального класса. Эти процедуры были характерны для тоталитарных режимов и идеологий — нацизма и большевизма (достаточно вспомнить трагические последствия учения большевизма о *двух культурах*, с его практикой уничтожения российского сегмента интеллектуального класса). Можно указать и на нацистскую «борьбу с неарийским Западом» (Ревич 2010). Известны широкомасштабные репрессии в отношении творческих личностей в нацистской Германии в связи с беспрецедентной практикой «окончательного решения еврейского вопроса». Поэтому следует принять к сведению, что Холокост, осуществившийся на территории Восточной Европы, начался с репрессий (моральных и физических) в отношении интеллектуального класса. Ст. Цвейг, как жертва и как свидетель, с эпохальной горечью сообщал в письмах к Р. Роллану: «Национал-социалисты отчасти правы: в Германии за свободу, за независимость выступают только евреи (за отдельными редкими исключениями). А “истинная” Германия хочет подчиняться или повелевать... Для протеста Вы нашли бы только евреев... Нацисты бы торжествовали: смотрите, кроме Томаса и Генриха Маннов, ни один христианский писатель не подписался!» (Цвейг 2017).

Мы не можем игнорировать тот факт, что жесточайшее преследование русского интеллектуального класса началось в России после октябрьского переворота 1917 года. В нацистской Германии объектом ненависти поначалу стал собирательный Эйнштейн, а не простые врачи, юристы, ремесленники. Неарийцы. Объектом репрессий первоначально стал собирательный Стефан Цвейг, а не простые ветераны Первой мировой. Неарийцы. Инспирация Холокоста имела свою историю и своих поделщиков. Историю кровавую, но первоначально — культурно-психологическую. Следует также обратить внимание на определенные ментальные эксцессы, не имевшие на первый взгляд никакого отношения к погромной практике, но затем

ставшие политикой. Когда В. Розанов пишет в дневнике: «Мих. Осипов. Гершензон к печали русской и стыду русских — лучший историк русской литературы за 1903–1916 гг., он слишком великолепен, чтобы чуть не было чего-то подозрительного... В конце концов, я боюсь его. Боюсь для России» (Переписка В. В. Розанова с М. О. Гершензоном... 1991, 219), — то погромщики не остановились на розановской тревоге и попранном чувстве национальной гордости. Поэтому нет особой нужды рыться сегодня в архивах, чтобы увидеть трагическую судьбу интеллектуального класса в Польше, Германии, России, да и во всей Европе, в XX веке.

Идея космополиса не отрицает того факта, что личность *связана* с этносом, с природой (естеством), социумом, государством, ландшафтом, языком, но осуществляется-проявляется личность в хронотопе космополиса, в котором общечеловеческие ценности и общечеловеческие результаты креативности становятся *состоянием и достоянием* ее экзистенции, ее потенциала креативности. Конечно, не следует игнорировать тягу интеллектуала к *романтическому национализму*, национальному космосу, нельзя игнорировать и внутреннюю потребность социально-классовой самоидентификации по убеждению (казус Хайдеггера), но нередко вызванной конформистской установкой (казус А. Толстого, автора «Петра Первого») (Ревич 2010). Интеллектуальный класс нельзя рассматривать вне принципа персонализма. Да, любой страт, любой коллектив состоит из индивидов, но интеллектуальный класс состоит из личностей.

Понятие *интеллектуальный класс* включает в себя идею культурного многообразия, культурной динамики, взаимодействия культур. Здесь на передний план выходят не утопии какого-то особого пути, какого-то особого класса, особой нации или расы, а идея взаимодействия, диалога, взаимопроникновения культур (Ревич 2010). Презумпция высокого творчества отменяет политические и идеологические маркеры идентификации. Хронотоп интеллектуального класса есть живая динамика по всем азимутам. Его прошлое актуально сегодня, оно есть полагание будущего. Для ныне живущего человека Христос и Сократ, А. Толстой и П. Чайковский актуальны; публичный дискурс репрезентирует данных персон не в прошлом, а в настоящем времени. Философско-антропологический слух настроен не на фразу: Аристотель «говорил», а — Аристотель «говорит». Субъекты творческого труда Европы (от жрецов до академиков) в средневековом мире не были

записаны в национально-государственных регистрах. И если в эпоху становления национальных государств возникла потребность в национальной идентификации творческих личностей, то объективно эти личности являются *гражданами мира*. Причем каждый индивид-творец может самостоятельно определить свое «интимное гражданство» (К. Пламмер) не по формально-юридическим критериям, а по факту присутствия в конкретном виде творчества, по факту вхождения в те или иные интеллектуальные ассоциации. А ими могут быть «миры» математики, шахмат, искусства, конфессии, философии и т. д. Продуктивная идея об интимном гражданстве *Кена Пламмера имеет, на наш взгляд, большую теоретическую и практическую ценность для описания реалий глобализации* (Plummer 2003)¹.

В этой связи следует указать на важнейшую для космополисных тенденций роль глобального университетского образования. Именно *университет*, начиная с позднего средневековья, обусловил формирование культурной европейской общности в инновационном и персоналистическом ключе (Ревич 2008). Без преувеличения можно констатировать, что родиной современного интеллектуализма является университет. Интеллектуальный класс обладает своей внутренней дифференциацией: можно говорить о дистинкции, взаимовлиянии его компонентов или частей. Благодаря онтологически качественной определенности каждой из его частей можно делать утверждения о присутствии им и качественно определенных экзистенциальных интенциях, которые можно охарактеризовать таким мыслеобразом, как *золотое правило*. Интеллектуальный класс является открытой системой вследствие того, что его доминантой является разум. А вера, мораль и эстетизм должны быть разумными. Проблема гуманитарной ответственности разума стала особенно актуальной в наши дни: «в нашей современной драматической ситуации жизненно необходима подлинная культура рациональности, проникнутой духом ответственности и самокритичности, бескомпромиссного анализа реальной ситуации. Четко сознавая вред догматических и конформистских деформаций рациональности, не надо также забывать и о вполне реальных опасностях антирационалистических тенденций, которые могут составлять

¹ Кстати, мысль об интимном гражданстве интеллектуала профессору Пламмеру могла быть подсказана нашим Пушкиным: «...нам целый мир чужбина; // Отечество нам Царское Село!» Воистину неисповедимы пути интеллектуальных взаимодействий...

питательную среду для агрессивных авторитарных идеологий фашистско-популистского, расистско-националистического или религиозно-фундаменталистского типа» (Швырев 1992, 94).

Для разума *золотое правило* — это логико-эпистемологическая норма научного поиска и релевантная оформленность его результатов, что в просторечии называют интеллектуальной честностью, или — стремлением к истине.

Золотое правило веры — это теологическая честность (культурно-антропологическое понимание религиозных практик, следование требованию не унижать и не разрушать чужие святыни). Можно сказать, что *золотое правило* веры, которому она подчиняется в рамках этоса креативности в политическом смысле, — это принцип *экуменизма*, который предполагает стратегию теологического универсализма, что означает принятие в качестве факта принципиальной неразрешимости вопроса о преимуществе той или иной веры и религиозного опыта той или иной мировой религии. Но эта неразрешимость не исключает, более того, настоятельно требует непрекращающегося диалога, поисков взаимопонимания. Экуменический диалог — это политика мира между людьми. Экуменический диалог важнее окончательных выводов и решений (Ревич 2010).

Золотое правило эстетизиса — это онтолого-антропологическое требование утверждения и удержания тенденций жизнотворчества в различных формах эстетической креативности. Как высшим благом в природном воспроизводстве людей (деторождении) являются усилия по принятию и обереганию новой жизни, так это же происходит в искусстве, где доминирует образ притягательной человечности. Хотя следует видеть и проблему: почему в постмодернистских художественных практиках антипод прекрасного и возвышенного занимает большое место.

Разумеется, невозможно адекватно понять сущность и содержание таких социальных феноменов, как этос креативности и интеллектуальный класс, вне целостного исторического процесса. А такой взгляд на рассматриваемые феномены позволяет заявить, что онтологически и исторически они вписываются в концепцию гегелевского «мирового духа» и в кантовский трансцендентализм. Чтобы это понять, нужно решить *основной вопрос философии* прямо противоположным марксизму способом: этос креативности и интеллектуальный класс — это и есть другое название «Духа» Гегеля и «культурного идеализма» неокантианства. Здесь можно заметить, что трагедия европейского

интеллектуального класса (драма М. Хайдеггера как частный случай) была вызвана пренебрежительным отношением к «культурному идеализму» Э. Касирера, Г. Когена, всему отряду неокантианцев (Сафрански 2002). Безо всякой мистики можно утверждать, что если в космологическом плане нельзя говорить о предопределенности и неизбежности событий, то в социально-онтологическом видении общества следует признать имманентно присутствующую *стрелу развития*, детерминированную этосом креативности, предопределенности и реализуемому интеллектуальным классом. Иными словами, культура предопределена и неизбежна как раскрытие конкретного имманентного начала: этоса креативности. Именно *экзистенциальный детерминизм*, а не законы природы и экономики и так называемой политической борьбы, обеспечивает социальное развитие. У природной и экономической жизни есть пределы, а у интеллектуального творчества их нет².

Этос креативности, формирующий интеллектуальный класс, — это высококонкурентная среда, в которой соревновательность осуществляется на основе *золотых правил*. В нем исключена конкуренция милитарного толка. Если в среде бизнес-класса, в среде рабочих и крестьян возможны проявления агрессии, нечестной конкуренции, то внутри интеллектуального класса отношения его представителей друг к другу исключают акции, присущие политической, экономической конфронтации. Если оружием крестьян были вилы и топоры, оружием пролетариата были бульжник и винтовка («возьмем винтовки новые» (Маяковский)), то оружием интеллектуального класса являются логика, идеалы добра, эстетические образы человечности. Поэтому этос креативности имманентно гуманитарен и гуманистичен, тем самым задавая параметры не только целесообразности, сколько целеполагания, так как строится на принципах жизнотворчества, филантропии, альтруизма.

Мы знаем, что понятия *классовая структура* общества и *классовая борьба* — не более чем теоретический конструкт, возникающий в марксизме в форме идеологии, претендующей на научную объективность. Как любой конструкт, отображающий определенный фрагмент реальности, он обретает самостоятельную жизнь. Достаточно вспомнить теологические конструкты и инспирированные ими религиозные войны.

² Аналогом «предопределенности и неизбежности», имеющим место в социальной онтологии, является предопределенность и неизбежность раскрытия и осуществляемости генома в живой материи в модусе космического бытия.

Воистину, когда дьявол овладевает массами, он становится революционной силой. В этом классики не ошиблись. В марксистской парадигме стратификация общества понималась на основе экономических отношений, в которых гегемоном провозглашался рабочий класс как субъект политической революции. Парадигма Маркса получила вульгаризированное продолжение у Ленина в его идеологических (но представленных как высшее достижение теории тотального освобождения) обоснованиях революционного праксиса. Можно сказать, и это не будет преувеличением, что ошибки Маркса — Энгельса привели к преступлениям большевизма и к его сегодняшним рецидивам. Нельзя сказать, что в высшей степени высокоодаренные мыслители, Маркс и Ленин, не понимали значение науки, образования, культуры для гуманизации общества, для «коммунизма». Практик Ленин даже создавал для ученых, писателей, публицистов, вставших на сторону большевиков, режим наибольшего благоприятствования. Но драма в том, что ошибочное представление о классе-гегемоне стало ментальной базой для практического применения и широчайшего распространения насилия в XX веке. Можно констатировать, что гражданские войны, боль-

шие и малые, прошлого века, политические репрессии, борьба с «инакомыслием» (диссидентством) были борьбой с интеллектуальным классом. Политические репрессии в России после октябрьского переворота 1917 года впоследствии превратились в особый вид социальной практики. Холокост как особая форма государственной политики в нацистской Германии, «культурная революция» в маоистском Китае, «исламская революция» в Иране есть не что иное, как войны против интеллектуального класса. А они велись от имени «передового» класса, сопровождаемые риторикой о его имплицитном социальном превосходстве. Важно отметить, что и большевики, и нацисты в своей идеологической риторике во главу угла демагогически ставили защиту интересов низового страта трудящихся. Их программные документы однозначно указывают на непререкаемого в их понимании гегемона: РСДРП-ВКП(б)-КПСС и Национал-социалистическая немецкая рабочая партия стали инициаторами крупнейших гражданских войн XX века. Великие заблуждения прошлого не должны вызывать антропологические катастрофы в настоящем и будущем. Тоталитарные идеологии поставили не на того скакуна.

Литература

- Бибихин, В. В. (1998) *Новый ренессанс*. М.: МАИК «Наука»; «Прогресс-Традиция», 493 с.
- Гуссерль, Э. (2004) *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию*. СПб.: Владимир Даль, 398 с.
- Гуссерль, Э. (2005) *Избранные работы*. М.: Территория будущего, 458 с.
- Коллинз, Р. (2002) *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1281 с.
- Переписка В. В. Розанова с М. О. Гершензоном. 1909–1918. Вступительная статья, публикация и комментарии В. Проскуриной. (1991) *Новый мир*, № 3, с. 215–242.
- Ревич, И. М. (2008) Идея космополиса, или Есть ли лекарство от «фантомных болей» человечества? *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, № 3 (19), с. 208–220.
- Ревич, И. М. (2010) Гуманитарный этос (опыт экспликации). В кн.: А. Ю. Завалишин (ред.). *DIXI-2010: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов*. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, с. 112–123.
- Ревич, И. М. (2012) Бог не мертв. Он предан. Или почему опасен отказ от культурного идеализма. В кн.: А. Ф. Кацис, И. В. Копченова, В. В. Мочалова (ред.). *Научные труды по иудаике. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике: в 2 т. Т. 2*. М.: Пробел-2000, с. 162–170.
- Сафрански, Р. (2002) *Хайдеггер: германский мастер и его время*. М.: Молодая гвардия, 612 с.
- Цвейг, С. (2017) Из писем Р. Роллану. 1928–1939. Перевод с немецкого, вступительная заметка и примечания Герберта Ноткина. *Звезда*, № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/12/iz-pisem-k-romenu-rollanu-1928-1939.html> (дата обращения 23.03.2020).
- Швырев, В. С. (1992) Рациональность как ценность культуры. *Вопросы философии*, № 6, с. 91–105.
- Plummer, K. (2003) *Intimate citizenship: Private decisions and public dialogues*. Seattle: University of Washington Press, 187 p.

References

- Bibikhin, V. V. (1998) *Novyj renessans [The new Renaissance]*. Moscow: MAIK "Nauka" Publ.; "Progress-Traditsiya" Publ., 493 p. (In Russian)

- Collins, R. (2002) *The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change*. Novosibirsk: Sibirskij khronograf Publ., 1281 p. (In Russian)
- Husserl, E. (2004) *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die Transzendente Phänomenologie*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 398 p. (In Russian)
- Husserl, E. (2005) *Izbrannye raboty [Selected works]*. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 458 p. (In Russian)
- Perepiska V. V. Rozanova s M. O. Gershenzonom. 1909–1918. Vstupitel'naya stat'ya, publikatsiya i kommentarii V. Proskurinoj [Correspondence between V. V. Rozanov and M. O. Gershenzon. 1909–1918. Introductory article, publication and comments by V. Proskurina]. (1991) *Novy Mir*, no. 3, pp. 215–242. (In Russian)
- Plummer, K. (2003) *Intimate citizenship: Private decisions and public dialogues*. Seattle: University of Washington Press, 187 p. (In English)
- Revich, I. M. (2008) Ideya kosmopolisa, ili Est' li lekarstvo ot "fantomnykh bolej" chelovechestva? [The idea of cosmo police, or Does the cure for the "phantom pains" of humankind exist?]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke — The Humanities and Social Studies in the Far East*, no. 3 (19), pp. 208–220. (In Russian)
- Revich, I. M. (2010) Gumanitarnyj etos (opyt eksplikatsii) [Humanitarian ethos (experience of explication)]. In: A. Yu. Zavalishin (ed.). *DIXI-2010: idei, gipotezy, otkrytiya v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh: sbornik nauchnykh trudov [DIXI-2010: Ideas, hypotheses, and discoveries in social and humanitarian research: A collection of scientific papers]*. Khabarovsk: Khabarovsk State Academy of Economics and Law Publ., pp. 112–123. (In Russian)
- Revich, I. M. (2012) Bog ne mertv. On predan. Ili pochemu opasen otkaz ot kul'turnogo idealizma [God is not dead. He is betrayed. Or why the rejection of cultural idealism is dangerous]. In: L. F. Katsis, I. V. Kopchenova, V. V. Mochalova (eds.). *Nauchnye trudy po iudaike. Materialy XIX Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferentsii po iudaike [Proceedings of the Nineteenth Annual International Conference on Jewish Studies]: In 2 vols. Vol. 2*. Moscow: Probel-2000 Publ., pp. 162–170. (In Russian)
- Safransky, R. (2002) *Ein Meister aus Deutschland: Heidegger und seine Zeit*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 612 p. (In Russian)
- Shvyrev, V. S. (1992) Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury [Rationality as a cultural value]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, no. 6, pp. 91–105. (In Russian)
- Zweig, S. (2017) Iz pisem R. Rollanu. 1928–1939. Perevod s nemetskogo, vstupitel'naya zametka i primechaniya Gerberta Notkina [From letters to R. Rolland. 1928–1939. Translated from the German, introductory note and notes by Herbert Notkin]. *Zvezda*, no. 12. [Online]. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/12/iz-pisem-k-romenu-rollanu-1928-1939.html> (accessed 23.03.2020). (In Russian)

Сведения об авторе

Илья Михайлович Ревич
Доктор философских наук

Author

Ilya M. Revich
Doctor of Philosophy